

Александр Даниэль («Мемориал»)

Хотя я из «Мемориала», но у меня совершенно не «мемориальская» точка зрения. Прошу у ведущего добавить 60 секунд для реплики на один момент из выступления Черкасова. Это по поводу взрывов в метро. (Ведущий просит начать с этого добавления).

Я был как раз тем человеком, который готовил информацию об этом процессе для «Хроники текущих событий». Мы готовили ее вместе с моим коллегой Леонидом Давидовичем Вулем. Неправильно думать, что сдержанность описания и отсутствие выводов объяснялись тем, что у нас были веские аргументы из материалов дела, подтверждающие правильность обвинения. На самом деле, дело было наоборот. У нас не было веских оснований, подтверждающих неправильность обвинения. У нас были некие сомнения и возражения, но они все были косвенные.

Таким образом, в той развилке, которую Олег Петрович поставил между мнениями Давидиса и Черкасова, то скорее позиция «Хроники» была такая, которую высказывал Черкасов. Позвольте и мне присоединиться к мнению моего коллеги.

А теперь к основной теме.

Я сразу выскажу главный тезис: понятие «политзаключенный» не имеет никакого отношения к праву. Это понятие политическое и, следовательно, тесно связано с политическим мировоззрением того, кто этот термин произносит. И это понятие историческое, очень вписанное в исторический контекст. Теперь буду доказывать.

Главная проблема в определении понятия – эмоциональная коннотация. В массовом сознании слово «политзаключенный» связывается с чем-то хорошим. Это человек, который страдает из-за того, что борется за справедливость. Это воин Добра и военнопленный Зла. Если употребить оборот «плохой политзаключенный», то он режет наше ухо. Это воспринимается как оксюморон. Поэтому большинство попыток дать определение этому термину основывается на желании отсечь плохих и оставить хороших. И в определении Давидиса (сложно составленном) это присутствует. И в определении «Amnesty», Фредерики Бэр, тоже проявляется. В попытках Давидиса - в большей степени, у Фредерики - в меньшей. Потому что Давидис имеет в виду преимущественно лозунг «Свободу политзаключенным». А в определении Бэр - в меньшей степени, потому что «Амнистия» требует в сложных случаях только справедливого суда. Два подхода из основных трех здесь были проговорены.

Первый – это политические мотивы действий человека, приведшие его в тюрьму. Если мотивы с точки зрения определяющего в список благородны – то человек определяется как политзаключенный. Если мотивы низменны, с точки зрения говорящего, то и человек – не политзаключенный ни в коем случае. И, в любом случае, эти деяния рассматриваются как более достойные, чем преступления совершенные, например, по корыстным мотивам. А вопрос: «действительно ли этот человек преступил закон?» - как-то отходит на задний план. Вот утверждения, скажем, Зои Световой о том, что Тихонов и Хасис ни в коем случае не политзаключенные, происходит, как мне кажется ровно из этого же желания: плохих, неприятных, не назвать политзаключенными.

Второй подход. Это традиционный диссидентский подход, сформулированный впервые, если я не ошибаюсь, Владимиром Николаевичем Чалидзе в журнале «Общественные проблемы». Политзаключенный – это человек, находящийся в заключении по политическим мотивам власти. Он здесь прозвучал. Обычно этот мотив трудно доказать, как говорил Давидис. Власть всегда будет клясться, что в каждом конкретном случае она исходит только из требований закона. И опять вопрос о том, совершил ли человек какое-либо преступление, при наличии политических мотивов власти в его преследовании, становится второстепенным. Потому что может оказаться, что да, совершил, но посадили его совершенно не за это, а просто по иным политическим мотивам власти. Что опять же трудно доказуемо.

Наконец, третий подход, который здесь совершенно не звучал, или почти не звучал. Политзаключенный – это человек, которому вменяется некое действие, а объектом этого действия является государство и его институции, общественно-политический строй, конституционный порядок и тому подобные абстрактные конструкции. Два подхода в криминального права на этот случай существуют. Первый - когда такие действия выделяются в особую группу преступлений. Например, в первую главу «Особо опасные государственные преступления», как в советском Кодексе, а так же, отчасти, глава «Преступления против порядка управления». Второй подход – сами по себе действия не рассматриваются как нарушения закона. А рассматриваются только сопряженные с этими действиями уголовные преступления против личности. Например, можно судить человека за террор, если он убил милиционера или президента, - а можно судить за убийство живого человека. Правда?

Двести восемьдесят вторая статья, о которой так «тепло» отзывалась Наталья Леонидовна Холмогорова, при втором подходе действительно теряет всякий смысл. Реально тут можно говорить разве что о подстрекательстве к преступлению. Возможно, если есть подстрекательство к преступлению, то можно судить. В любом случае, если есть даже такое выделение, то возникает вопрос: а что, если объектом преступления являются политические институции, а совершено оно в корыстных целях? Например, хотим ли мы видеть реальных наших и западных шпионов в качестве политзаключенных? Вопрос! Не хотим.

Таким образом, все подходы – не правовые, а третий нам ничего не дает в ценностном отношении.

Вопрос «следует ли рассматривать действия против существующего государственного строя и тому подобных абстракций как нарушение закона?» – это вопрос не правовой, а политический. Кроме того, повторяюсь, это понятие еще и историческое. Оно плохо работает вне исторического контекста. Например, когда мы говорим о народовольцах, нам всё-таки хочется называть их политзаключенными, а когда мы говорим об Ирландской республиканской армии, то их как-то меньше хочется так называть. Хотя до того, как они начали пабы взрывать, они делали тоже, что и народовольцы...

Ведущий (Олег Орлов)

Спасибо, выступает Вера Васильева журналист и автор нескольких книг о политзаключенных в современной России.